

Кира Грозная

МУТНЫЙ АНГЕЛ

Утром мне позвонили по телефону и сказали, что вечером этого же дня я буду висеть на перекладине собственного балкона, со вспоротым животом и выпущенными внутренностями.

Не то, чтобы эта информация потрясла меня, я и не такое слышала в свой адрес. Для девчонки-сироты, выращенной бабкой, не имевшей отца, мужа, да и достойного любовника... Что может означать нелепая угроза, тем более — от людей, не виданных вживую? Кто они такие, чтобы меня запугивать? Может, обладатель сиплого продавленного голоса — застенчивый тощий очкарик, а второй, с голосом плотным и сочным, как в меру зрелая слива — толстый краснощекий коротышка. И эти двое — не монстры из фильма ужасов, а всего лишь конторские работники, досадующие на незавидную участь телефонных громил...

Но тут припадок самоутешения закончился, и меня захлестнула первая волна липкого страха. Я отшвырнула телефон и отбежала, вернее, отковыляла подальше, словно опасаясь, что трубка меня укусит. Телефон снова крикнул, намереваясь подать голос, но я уже добралась до базы и предусмотрительно выдергивала проводок из «коробки». Телефон заткнулся, как поперхнулся, а я выдохнула.

Сим-карту мобильного, и так давно обеззвученного, я выбросила в форточку перед тем, как начать баррикадировать дверь. Последнее давалось с трудом. Я толкала плечом комод, опираясь на здоровую ногу, отчего волны боли ударяли в плечо, потом грохочущим локомотивом наезжали на больную ногу и визжащей дрелью врезались в позвоночник, сгибая измученное тело пополам. Но я упрямо налегала на костыль, подтаскивала тело к комоду и вновь толкала его, как Сизиф — свой пожизненный камень.

Мне повезло больше, чем Сизифу: после получасовой возни комод намертво заслонил выход. Теперь и я при всем желании не оттащу его, и те, кто придут вечером, не смогут вышибить дверь. Я навсегда замурована в квартире.

Доковыляв до кухни и тяжело опустившись на диван, я закурила и принялась обдумывать, как убить время до вечера.

В принципе, за последние два месяца я привыкла к звонкам. Чувство тревоги нагнеталось постепенно. Сначала звонили из банка, разговаривали вежливо, предлагая заплатить пеню и погасить задолженность. Потом в голосах банковских служащих стали проскальзывать раздраженные нотки. Атмосфера накалялась до тех пор, пока не поступил звонок от некоего третьего лица, которое, впрочем, поначалу тоже проявляло сдержанность.

Я объясняла, что лежу в больнице со сломанной ногой, что с работой пришлось расстаться, и поэтому заплатить банку на данный момент мне нечем. В ответ было предложено несколько вариантов. Как-то: занять денег у друзей, прислать кого-нибудь вместо себя в банк, и т.д. Все варианты я отмела, как фантастические. Однако «черный» абонент не внял больной надломленной логике, и звонить мне стали уже двое, а переговоры потекли по иному руслу. Например, рассматривались такие перверсии, как изъять у меня почку или отпилить оставшуюся ногу. Тогда я перестала отвечать на звонки. К тому времени уже вся палата просила меня отключить звук и не вступать в разговоры, особенно в ранние утренние часы. Вняв настояниям соседок, я отключила сигнал. Все равно, кроме этих личностей, мне никто не звонил, а мучить обитателей травматологического отделения не имело смысла.

Наконец, меня выписали. Муж соседки по палате, которую выписали одновременно со мной, подвез до дома и помог добрести до квартиры. Хоть в чем-то повезло. Оказавшись у себя, я первым делом намеревалась отключить все средства связи, но потом подумала, что без толку, если и адрес мой, и местопребывание им известны. И что теперь, когда я нахожусь дома, а не в лечебном учреждении, на виду у множества людей, они наверняка явятся за мной...

Ждать пришлось не более трех дней.

Интересно, как бы ты прокомментировал это? Ведь ты заявил, что у меня паранойя, когда я позвонила, попросила забрать меня из больницы и побыть со мной дома, потому что мне страшно, очень страшно. Ты ответил, что сейчас занят, и что все будет хорошо, что ты уверен в моей безопасности. В наше время неплатежеспособных

клиентов не убивают и не сажают в долговую яму, заверил ты меня, добавив, что мои мозги, очевидно, вытекли через поломанную большую берцовую кость.

Затем ты заблокировал свой номер, и я осталась совсем одна с саднящим страхом и режущими душу звонками, беспрестанно нарушавшими тишину квартиры. Я и начала-то на них отвечать, потому что страшнее было ожидание голосов, чем ведение с ними диалога. Обретая волновую плоть, изрекая реальные угрозы, голоса в то же время дарили определенность, спасали от панического страха перед неизвестностью.

Конечно, если бы не ты, то звонков бы не было.

Помню, как ты с деланным изумлением переспрашивал, сколько я зарабатываю в своей фирме, затем мучительно ломал линию бровей, смотрел в потолок, и, возвращая ко мне взгляд, гримасой показывал: жить на это вдвоем нельзя. В твоей яйцеобразной голове с большими по-детски наивными глазами созревало множество проектов, которые требовали воплощения. Без кредита, оформленного на мое имя, это не представлялось возможным. Тебе же кредит не светил: благодаря Сбербанку, ты навечно занесен банками России в «черный список». Однако задолженность, к моменту нашей встречи достигавшая полутора миллионов рублей, казалось, тебя не смущала. Более того, ты со смехом рассказывал мне, как приходили описывать твое имущество и остолбенели при виде обшарпанной квартирки, где ты был зарегистрирован с мамой, бабушкой, теткой, тремя сестрами и племянницей...

Ты не имел за душой ничего; я же имела квартиру, оставшуюся от бабки, а значит, мне было что терять. Что же заставило меня послушаться и оформить на себя кредит? Видимо, одиночество. А может, до конца не истлевшая наивная вера девчонки-сироты в сериальную дребедень с розовыми соплями, бесчисленными оргазмами и штампованным колечком из белого золота? Страх потери, чувство неполноценности, привычка выслуживаться, выработанная у женщины «за тридцать», страдающей от любви к мужчине «за двадцать»? Или все сразу, плюс природная тупость и ее синоним — храбрость?

Я ведь не боялась, я ничего не боялась, хотя сейчас, когда думаю об этом, мне хочется мычать от животного страха и, изломав без того покореженное тело, грызть свою здоровую ногу...

Когда я напомнила о приближении первой платежной даты, ты посмотрел недоуменно и после паузы поинтересовался, откуда такая нервозность. А тем паче — бестактность, ведь я знаю, что недавно открытый бизнес еще не приносит тебе прибыли. Кстати, мне твой бизнес не нравился, и я чувствовала смутную тревогу, когда ты делился идеей приобщить меня к труду в должности ночного надсмотрщика за дешевыми, а значит, недобросовестными наемными рабочими.

Твой совет «прокрутиться как-нибудь», пока ты не встанешь на ноги, вызвал тянущее беспокойное чувство внизу живота. Но я промолчала, и с тех пор платила сама, без просрочек, выкручиваясь, как умела выкручиваться я одна. Пока не рухнула в яму, разверзнутую за дверью бункера, потеряв под ступней перекладину лестницы, и не сломала себе ногу.

Застывшее в гулкой тишине после грохота начало новой жизни до сих пор представляется невыносимым кошмаром. Липкая, остро пахнущая лужа вокруг меня (в темноте ведь кровь остается бесцветной, не идентифицированной субстанцией), клацающий звук при попытке шевельнуть ногой, мерцающий маячок боли, постепенно разрастающийся до вселенского пожара. И черные, чернее зыбкого мрака, люди, суetyащиеся вокруг меня с гортанными возгласами.

Они-то и вынесли меня наружу, на воздух, и сгоняли в ближайшую деревню, откуда привезли пьяненького мужичка на ржавой «копейке», доставившего меня в больницу. Черные люди, которые в черной душной яме обжигали для тебя уголь.

А я ведь говорила тебе, что «угольный» бизнес — не самая лучшая из твоих придумок...

Поскольку три дня мне не удавалось толком поспать, я даже не заметила, что, мягко говоря, уже не бодрствую. Вокруг меня бормотало, перешептывалось пространство. С мерным хрустом ползла стрелка дешевых кварцевых часов на стене. Диван укачивал, приняв форму уютной колыбели. Ничего не болело и не тревожило.

И вот уже море набегало теплыми волнами на мою ногу с торчащими спицами пыточного приспособления, созданного якобы для сращения раздробленных костей, и рана под действием волн затягивалась, а кость, поскрипывая, соединялась и крепла, не оставляя помощи шансов...

Пробуждение было мгновенным и зябким, как зимний сквознячок. К этому моменту они, наверное, давно колотили в дверь. Вернее, вышибали ее, размеренно и без лишней суетливости. Осознав это, я, насколько могла, бесшумно и быстро поднялась с дивана, подхватила свои костыли и поковыляла на балкон.

Размякший после сна мозг плохо соображал, но тело действовало осознанно. Я вылезла на балкон и огляделась. Потом перевесилась через перила, пытаясь навскидку определить, каково это — лететь с тринадцатизэтажной высоты, понимая, что сейчас наступит смерть. Я уже пережила одно падение; оказывается, оно было репетицией. Или нет?

Мозг просыпался по мере того, как в прихожей трещал по швам комод, не желая отдать ни миллиметра пространства. А потом — я услышала шипение еще до того, как ощутила непривычный запах — через щели между дверью и коробкой в квартиру вполз газ.

Мое тело отреагировало рывком.

Я легла животом на перила и потянулась по направлению к соседнему балкону, ведущему на черную лестницу. Между балконами находился полутораметровый островок — площадка на высоте тринадцатого этажа. Она не была огорожена, но пересечь площадку, а потом еще раз преодолеть высоту перил, чтобы попасть на черную лестницу, на вид казалось не так уж сложно. Мне даже хватило сил на то, чтобы размахнуться и метнуть на соседний балкон костыли. После чего я перебросила на островок свою здоровую ногу. Болевая вспышка, короткая и резкая, затормозила движение на пару секунд, но сладковатый запах, донесшийся из недр квартиры, побуждал действовать.

Чтобы осуществить перемещение, мне понадобилось попросить опоры и у подломленной ноги, в ответ разразившейся гневной болевой тирадой, от которой перед глазами заплясали огненные пятна. Я зажмурилась, и, совершив усилие, бросила тело на перила соседнего балкона. Подтянувшись, молясь о том, чтобы не потерять сознание, закинула здоровую ногу...

...Падение на пол, слезы боли и беспомощности, поиск костылей в темноте и в грязи — и очень медленный, мучительный подъем, а затем ковыляние по черной лестнице, с переносом центра тяжести на здоровую ногу и опорой на перила и костыль. Кто не был калеккой, тот не может представить себе этих ощущений. Какая-то сила

тащила меня наверх, на двадцать пятый этаж — и я ползла, глотая слезы, никому не нужная полуживая развалина, зачем-то стремящаяся выжить.

Дверь, ведущая на чердак, была приоткрыта, из чего следовало, что бомжи опять спилили замок и с комфортом обживали чердачное пространство. Впрочем, то, что обычно приводило меня в ярость, заставляя играть роль главного подъездного санитаря, сейчас оказалось на руку. Я поднялась по пожарной лестнице с ловкостью, которой позавидовали бы победители параолимпийских игр.

На чердаке я долго вглядывалась в темноту, определяя выход на крышу. Темнота шевелилась; вначале казалось, что здесь кто-то есть. Примерещились черные фигурки, копошащиеся в яме, в царстве угольных круч и душной ауры...

Однако через пару минут проступили очертания развешанного на веревках тряпья, которое раскачивалось от ветерка, проникавшего с крыши. Там определенно был выход, и я побрела к нему, цепляясь костылями за какой-то хлам, который громоздился повсюду, как на городской свалке. «Ох, и нагородили, черти полосатые, не упасть бы», — бормотала я; вероятно, со стороны меня можно было принять за ополоумевшую старуху. Наконец, я нашла небольшую дверь, за которой висела луна, казавшаяся бутафорской поделкой талантливого художника-оформителя сцены, и осторожно выбралась наружу.

Ветерок освежил натруженное тело и большую голову. Я закрыла глаза, постояла, привыкая к свежему воздуху, которым меня не баловали с момента падения в яму — последние два месяца. Наконец, придя в себя, сумела оглядеться по сторонам.

В пяти шагах от меня колебался язычок мутного пламени. Вскоре он принял очертания сидящей человеческой фигуры.

— Вы кто? — испуганно спросила я, почувствовав, как в горле предательски пересохло.

— Ангел, — отвечал мне глуховатый и какой-то плоский, безжизненный голос. Не дрожащий, не старческий — нет, просто голос без оттенков, высохший, выхолощенный.

Я разбираюсь в голосах, как учительница домоводства — в качестве стежков на ткани, или в степени плотности готового теста. Бывают голоса сочные и густые, как у одного из моих телефонных преследователей; хозяева таких голосов упитанны и полнокровны.

Встречаются голоса звонкие, просто звенящие от переизбытка у их владельцев жизненной энергии. А попадаются и хриловатые, гнусавые, как у тебя; чаще всего их обладатели — бессовестные соблазнитель и сексуальные монстры...

Из голоса человека, сидящего передо мной, как будто высосали жизненный тонус, воткнув трубочку в ямку под торчащим кадыком. Я вытянула шею, присматриваясь, но могла разглядеть лишь очертания сидящего в ауре сгущающейся темноты.

— Настоящий Ангел? — переспросила я.

Он повернулся и внимательно посмотрел на меня. Белки его глаз так блестели, что успешно заменяли подсветку. Теперь я могла его видеть. Лицо заросло курчавой бородой. В бороде было примерно поровну черных и седых прядей, как будто Ангел сделал мелирование. Цвет волос определялся с трудом, они были подобраны сзади и падали на плечи неопрятной ношей. Ангел был не молод, но и не стар, и я затруднилась бы угадывать, сколько ему лет.

— Это мое имя. Меня зовут Ангел, — проговорил он с усмешкой, с еле уловимым акцентом.

В руке у Ангела что-то мерцало. Он поднес руку к губам, и тогда я узрела курящего Ангела. Я сглотнула, только сейчас спохватившись, что не курила с самого утра. С момента пробуждения от звонков моих невидимых потенциальных убийц.

Ангел выпустил пару колечек дыма и внимательно посмотрел на меня. Потом провел ладонью по скату крыши рядом с собой. Это был приглашающий жест. Я осторожно приблизилась и опустилась с ним рядом.

Ангел протянул мне сигарету. Она оказалась дешевой и едкой. Я поперхнулась и закашлялась, но потом затынулась и тоже выпустила дым колечком.

Мы сидели и курили одну сигарету на двоих.

— Они сейчас в моей квартире. А я тут мерзну, я не взяла с собой теплых вещей, — наконец, пожаловалась я. — И нога болит.

Он понимающе засопел, и в затянувшемся молчании я уловила сочувственные нотки. Я тихо сидела рядом и ждала.

Наконец, Ангел произнес:

— Они уйдут. Эти — не такие, как раньше. Я помню совсем других. Ко мне ведь тоже приходили, двадцать лет назад.

Я хотела задать вопрос, но передумала. Чувствовалось, что он еще не закончил, что эта пауза дана для осмысления, не надо ее нарушать.

— Они сожгли мой дом, — снова заговорил Ангел. — Помню, я схватил на руки дочь и побежал к выходу. Жена шла сзади, и я не видел, как на нее обрушилась балка. Я не смог ей помочь. А наш сын — он был смелый мальчик — выпрыгнул из окна своей комнаты на втором этаже. Жаль, упал неудачно, на чугунную ограду палисадника. Сын умер, и дочь спасти мне тоже не удалось, она задохнулась в дыму на моих руках.

Я молчала. Как говоришь в таких ситуациях ты — что тут можно сказать, кроме: «Да-а-а...».

Двадцать лет назад конкуренты отца подожгли наш дом. У меня погибли мама, папа и брат. Но я не стала делиться с Ангелом своим горем. Возможно, он и так знает обо мне все...

— Они ничего не могут тебе сделать, — бесцветным голосом сказал человек, сидящий рядом со мной.

— А как же газ? — Я умоляюще посмотрела на него, ища защиты; страх снова приобрел отчетливые очертания. — Они хотели меня отравить.

Ангел пожал плечами.

— Они ничего не могут сделать, — повторил он. — И не станут.

Он так убедительно говорил, что я поверила.

И, правда, что они могут мне сделать? Ну, будет суд. К тому времени я научусь ходить и найду себе новую работу. Выплачу проклятую пеню, погашу кредит. Я всегда умела выкручиваться. Поэтому ты меня и выбрал.

— Значит, я могу вернуться домой? — спросила я.

— Валяй, — сказал Ангел. И вдруг улыбнулся теплой, почти детской улыбкой. Оказалось, у него целые зубы: крупные, ровные, сероватые, какие бывают у заядлых курильщиков.

Ангел поднялся и, сняв ветхую куртку, набросил ее мне на плечи. Потом, наклонившись, потрепал меня по большой ноге. А вдруг, подумалось внезапно, вот сейчас... исцелит...

Я пошевелила ногой. Кость привычно клацнула, нежная волна боли поднялась от кончиков пальцев, задержалась в паху, захлестнула грудь и подступила к горлу. Нет, чуда не произошло. Но, как бы там ни было, на душе воцарились легкость и благодать.

Я посмотрела вслед Ангелу. Мой собеседник уходил, теряясь из поля зрения за вереницей труб, антенн, каких-то будочек, и ноги его

ступали беззвучно, словно он шел по ковровому покрытию. Оказывается, уже расцвело — а вроде, только что был вечер. Хотелось спать, но предстояло вначале проделать обратный путь до своего балкона. Я была спокойна и уверена, что дома меня никто не ждет.

Внезапно в небе что-то засветилось, как вспышка невидимого фотоаппарата. Мутный силуэт на фоне бледнеющего неба медленно поплыл в ту сторону, где за множеством точечных домов, за авто-страдой и заводскими постройками, лежало море. Силуэт был нечетким, с расплывчатыми очертаниями, и все же мне пришла на ум фантазия: летит человек, раскинув руки, невесомый и прозрачный, и восходящее солнце подсвечивает развевающуюся бороду...

Где-то я что-то такое видела, на картине современного художника. К сожалению, не помню, у кого и где.

Санкт-Петербург